«НОВОЕ» ОСВОЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО СДВИГА

Лобода Оксана Витальевна,
кандидат социологических наук, доцент
кафедры государственного и муниципального управления
Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса
e-mail:kpsade@mail.ru

Ярулин Илдус Файзрахманович,
доктор политических наук, профессор,
декан социально-гуманитарного факультета
Тихоокеанского государственного университета
e-mail:iarulin@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные с трансформацией этнического состава населения Дальнего Востока России в связи с особенностями этнической миграции в регионе.

Ключевые слова: *население, демография, этнические общности, этническая миграция, этническая политика, этнические сдвиги*

This article discusses some of the problems associated with the transformation of the ethnic composition of the population in the Russian Far East, due to the nature of ethnic migration in the region.

Keywords: *population, demography, ethnic groups, ethnic migration, ethnic politics, ethnic shifts.*

Восточная часть России впервые выходит на первые роли в системе приоритетов государственного развития. В течение всего советского периода Дальний Восток рассматривался как часть территории страны, которая представляла интерес, главным образом, как сырьевой и энергетический источник экономики государства. Только в самые последние годы в обществе и в руководстве страны стало формироваться понимание истинной особой роли Дальнего Востока в судьбе будущей России. Начали появляться серьезные политические заявления, проекты целевых программ, попытки разработки долгосрочной стратегии развития этого региона. Однако возрастающий интерес продолжает по инерции реализовываться преимущественно в системе устаревших представлений, оценок, решений, которые приходят в острое противоречие с тем, что в действительности происходит во всей стране и на Дальнем Востоке. Если Россия действительно заинтересована в том, чтобы и в XXI веке оставаться азиатско-европейской страной, максимально использующей выгоды территориально-пространственного, природо-ресурсного и геополитического характера, то ей нужна принципиально новая региональная политика. Основой этой политики

должны стать оценки и решения, освобожденные от груза устаревших представлений и основанные на принципах реалистичности и прагматизма.

Для этого необходимо признание объективного характера процессов формирования социальной (в т.ч. демографической), миграционной (в т.ч. внешней), этно-национальной ситуаций и использование системного подхода к оценке взаимовлияния предпосылок и последствий указанных процессов; каждое явление следует оценивать в единстве причин и эффектов экономического, социального, этно-национального и т.п. характера.

Разработка новой политики развития Дальнего Востока в России XXI века должна начаться с переосмысления представлений о Дальнем Востоке как неком гомогенном социально-экономическом и геополитическом пространстве, для которого характерны единые интересы и единая степень экономической зависимости от «центра» и одинаковая острота социальной ситуации. Социальная ситуация на Дальнем Востоке не общекатастрофична, а предельно дифференцирована; если во многих населенных пунктах эта ситуация вполне сопоставима, а часто и лучше, чем в типичных областях европейской части России, то в ряде республик и автономных округов она находится на социально допустимой грани. И не последнюю роль здесь играют демографические и этносоциальные факторы. «При массе линий размежевания в современных как западных, так и в незападных обществах, наиболее конфликтными и, соответственно, наиболее опасными становятся те, где социальное недовольство дополняется этнической и религиозной рознью, а также региональной спецификой (в многонациональных государствах). …….Между тем этносоциокультурные проблемы все более обостряются и могут вызвать совершенно неожиданные резонансы, как в глобальном масштабе, так и во внутриполитической повестке дня России. В Российской Федерации, вроде бы, ситуация относительно стабильна, но в сфере внутренней жизни общества накапливается все большее напряжение, на что ни элита, ни властные структуры не обращают внимания. Все это создает дополнительные риски развития»[1].

Развитие этнических процессов – одна из наиболее актуальных тем исследований специалистов, изучающих данное явление, как в масштабе всей страны, так и в территориальных рамках регионов. Сегодня российская наука переходит от глобальных масштабов к региональным, причем этносоциальные и демографические исследования наиболее активно проводятся в регионах с многонациональным составом населения. Важность исследования определяется необходимостью анализа структуры населения, который показывает, что даже в таком немногочисленном, но полиэтническом массиве, как Дальний Восток, взаимодействие коренных и пришлых этносов и этнических групп создает межэтническую среду и потенциально – источник конфликтных ситуаций. Внутреннее этнорегиональное положение страны, внешние и внутренние миграционные процессы, миграционное поведение населения моно- и полиэтнических регионов требует изучения и обобщения с научной точки зрения.

В советский период миграция для Дальневосточного региона являлась

значимым фактором в его истории и была подчинена экономическим и политическим целям государства. Миграционные процессы характеризовались преимущественно внутригосударственным перемещением населения, основные векторы которого были ориентированы на движение населения из сельской местности в городскую и наоборот – на перемещение населения из трудоизбыточных западных районов страны в трудодефицитные северные и восточные районы страны. Миграция рассматривалась как фактор, подчиненный задачам расширения геополитического пространства и подъема народного хозяйства.

Как отмечает Е. Л. Мотрич, демографический потенциал российского Дальнего Востока, сформированный в советское время, с началом рыночных преобразований подвергся необоснованному разрушению. Нынешний кризис воспроизводства населения в регионе проявился одновременно в двух проекциях: в депопуляции (естественной убыли) населения вследствие превышения смертности над рождаемостью и миграционном оттоке населения. «Максимальная численность населения на Дальнем Востоке – 8 056,6 тыс. чел. – была зафиксирована на 1 января 1991 г. С этого времени численность дальневосточников стабильно снижается. За период 1991 – 2008 гг. регион потерял 1596,5 тыс. чел., или 19,8% собственного населения. К 2012 г. численность населения уменьшилась еще на 194,2 тыс. человек. Ни один из федеральных округов России до этой отметки не опускался. Лидирующую роль в процессе сокращения численности населения сыграл миграционный отток населения, многократно превышающий его естественную убыль. Так, за 1991 – 2007 гг. он составил 1376,2 тыс. чел. (86,2%), естественная убыль – 220,3 тыс. чел. (13,8%). Это уже был тревожный сигнал, свидетельствовавший о начале крушения населенческой политики на Дальнем Востоке России» [2]. Наиболее существенные потери после 1991 г. – 51,1 % общего сокращения населения – понесли северные территории: ЧАО потерял 66,3 % своих жителей, Магаданская область – 56,9 %, Сахалин – 27,7 %, Камчатка – 26,9 %, Республика Саха (Якутия) – 14,2 %. Практически два десятилетия оказались потерянными для наращивания демографического потенциала.

Определяя перспективы воспроизводства населения Дальнего Востока, Мотрич Е.Л. подчеркивает, что в качестве реципиента регион может рассчитывать на приток массовый населения скорее из среднеазиатских республик СССР и Китая. Сейчас мигрантов в регионе порядка 160 тысяч. «При ухудшении миграционного партнерства с регионами России происходит улучшение в обмене населением со странами СНГ и Балтии. Правда, число прибывших из них увеличилось незначительно - в 1,1 раза, но число выбывших сократилось в 1,9 раза. ……Самая высокая результативность миграционных связей у региона с Таджикистаном и Узбекистаном, соотношение прибывших из них к убывшим в обратном направлении составляет 10:1. Положительный миграционный обмен со странами дальнего зарубежья обеспечен только Китаем, число приезжающих в 2010 году в сравнении с 2002 годом увеличилось в 2,8 раза. На Дальнем

Востоке практически нет мигрантов из Австралии и США, но эти страны «поглотили» в 2010 году 12,5 процента всех выбывших из ДФО в страны дальнего зарубежья, а прибыло из них в том же году - 4,2 процента от прибывших из этих стран» [3].

В 90-е гг. XX – начале XXI вв. произошли радикальные изменения в характере, содержании, направленности миграционных процессов на пространстве бывшего СССР и внутри России. Наиболее существенными проявлениями этих изменений стали рост интенсивности и масштабов иммиграции и эмиграции, кардинальная смена направлений внутренней миграции, широкое распространение вынужденности в миграционном движении, появление и развитие новых видов миграции, растущая обусловленность миграционных потоков этническими факторами.

Таблица 1 – Динамика численности и удельного веса населения иностранного происхождения в населении некоторых развитых стран и России, 2000 –2010 гг.

Страны	Численность населения иностранного происхождения (тыс. чел.)		Удельный вес населения иностранного происхождения (%)	
	2000	2010	2000	2010
Австралия	4 412	5 994,1	23.0	26.8
Австрия	843.0	1 315,5	10.4	15.7
Великобритания	4 666.9	7 056,0	7.9	11.5
Германия	10 256,1	10 591,0	12.5	13.0
Ирландия	328,7	772,5	8,7	17.3
Испания	1 969,3	6 659,9	4.9	14.5
Канада	5 327.0	6 777,6	17.4	19.9
Нидерланды	1 615.4	1 868,7	10.1	11,2
Новая Зеландия	663.0	1 013,0	17.2	23.2
Норвегия	305.0	569,1	6.8	11.6
США	30 273,3	39 916,9	10.7	12.9
Швейцария	1 570.8	2 075,2	21.9	26.6
Швеция	1 003.8	1 384,9	11.3	14.8
Россия	11891.8	12270	8.1	8.7

Источник: International Migration Outlook: SOPEMI 2012. P. 336

Этнические миграционные процессы (синонимы: процессы этнических миграций, этнические миграции) – это серии социальных взаимодействий, ведущие к изменениям в социально-территориальном и социальном положении отдельных представителей и групп определенных этносов, происходящие под влиянием этнических факторов и имеющие специфическую, функциональную определенность. Этнические мигранты – это лица, для которых характерна четкая этническая определенность, совершающие миграционное движение (выступающие акторами

миграционного процесса), происходящего под влиянием этнических факторов[4].

Современные перемещения этнических мигрантов интенсифицируются под влиянием явно выраженной экономической вынужденности: из трудоизбыточных в трудонедостаточные районы, из депрессивных регионов в регионы с благоприятной экономической конъюктурой. В этих случаях факторами, стимулирующими этническую миграцию, становятся нищета и социально-экономическое бесправие, поиск более благоприятных условий для социальной самореализации личности (в более конкретных вариантах – трудовой и профессиональной), выгодность занятий бизнесом, обеспечение лучших перспектив для семьи, особенно, для детей.

Этнические миграционные процессы в их массовидных значениях стали новым серьезным вызовом современности, превратились в очень существенный фактор, воздействующий на социальное состояние и динамику современной России и, особенно, ее отдельных регионов. Наблюдение реальных социальных практик и их научный анализ показывают, что этнические миграции в наличном состоянии и долговременной перспективе вместе с позитивностью и явными следствиями, сопровождаются появлением и обострением новых противоречий в принимающих обществах, вызывают к жизни непреднамеренные, зачастую, неожиданные и нежелательные явления и процессы. Использование миграционного ресурса, несмотря на всю свою привлекательность на первый взгляд, сопряжено с большим объемом как экономических, так и социальных, а также культурных проблем, связанных с увеличением доли некоренного населения.

Рассредоточение приезжающих на территории региона носит избирательный характер. Уже сегодня можно четко проследить места концентрации отдельных этнических групп в пределах Дальневосточного федерального округа в разрезе краев и областей. Подобного рода анклавизация в значительной степени меняет качество социальной структуры населения на территориях вселения мигрантов. Смена национального состава влечет изменение половозрастных характеристик, меняет характер образовательного и профессионального уровня населения, влияет на изменение повседневных практик.

Например, в Приморском крае за последние 20 лет дважды наблюдалось существенное изменение национального состава населения. В 2010 г. насчитывалось 17 национальностей, численность населения которых превышала 1 тыс. человек, в 2002 и 1989 гг. таких национальностей было 19. В период 1989-2002 гг. в эту группу вошли китайцы, в 2002-2010 гг. - таджики и киргизы, а выбыли - марийцы, удмурты, поляки и евреи. Численность китайцев резко возросла в период 1989-2002 гг. со 159 до 3840 человек. Такой рост связан с изменениями в политическом и экономическом устройстве страны, с появившейся возможностью миграционного перемещения иностранных граждан приграничных с Приморьем государств. Но к переписи 2010 г. число китайцев уменьшилось на 25.6%. в то время как

значительно увеличилась численность узбеков (в 5.5 раза), киргизов (в 3.1 раза) и таджиков (в 2.5 раза).

В последнее время с китайской миграцией в регионе, похоже, начинает сравниваться, а в некоторых случаях уже может и превзойти её по своим масштабам поток переселенцев из разных государств Средней Азии, прежде всего, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана. Причём, некоторые предварительные данные позволили констатировать перемещение, например, в Приморский край, прежде всего, выходцев из Узбекистана, на Сахалин – из Киргизии и т.д. Эти новые миграционные реалии только становятся предметом заинтересованного обсуждения, но сегодня они заслуживают не меньшего внимания, чем пресловутая «китайская угроза» [5].

Таблица 2 – Население наиболее многочисленных национальностей Приморского края

	Человек		2010 в % к 2002
	2002	2010	
Все население	2071210	1956497	94.5
Лица указавшие национальную принадлежность	2052171	1811570	88.3
Русские	1861808	1675992	90.0
Украинцы	94058	49953	53.1
Корейцы	17899	18824	105.2
Татары	14549	10640	73.1
Узбеки	1634	8993	5.5р
Белорусы	11627	5930	51.0
Армяне	5641	5924	105.0
Азербайджанцы	4411	3937	89.3
Китайцы	3840	2857	74.4
Мордва	4307	2223	51.6
Немцы	3578	2087	58.3
Чуваши	3287	1960	59.6
Таджики	743	1885	2.5р

Нельзя не отметить, что тенденция увеличения численности выходцев из бывших республик СССР продолжает сохраняться и сегодня, несмотря на заверения о том, что резкий всплеск их присутствия на территории края в 2008 – 2011 гг. был связан с реализацией масштабных строительных проектов в рамках мероприятий по подготовке к проведению Саммита АТЭС. В 2012 г. численность граждан КНР увеличилась по сравнению с 2011 годом на 0,9%, а граждан Узбекистана, например, - на 4,7%.

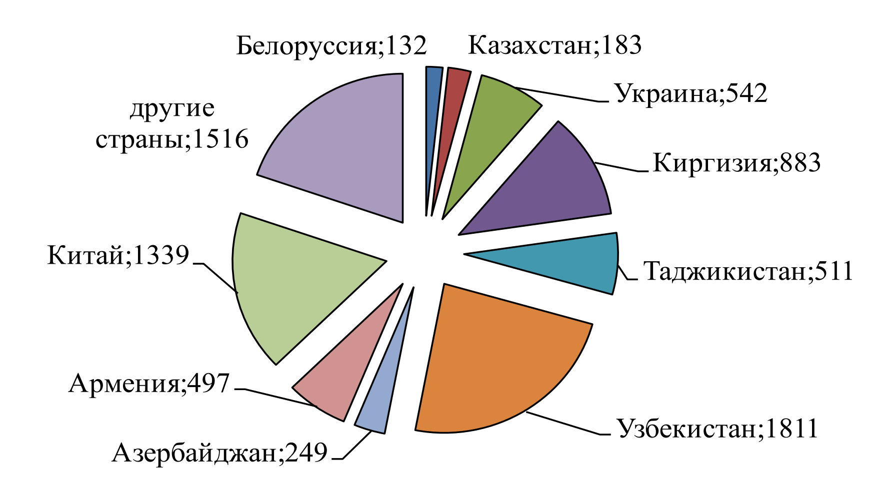

Рисунок 1. Число мигрантов из зарубежных стран, прибывших в Приморский край в 2012 г.

По данным Института миграционных процессов, в прошлом году работодатели заявили о том, что их потребность в рабочей силе составляет около 120 тысяч человек, но квота была выделена чуть более чем на 30 тысяч. Таким образом, потребность не была удовлетворена, однако свободные рабочие места были кем-то заняты. Этнические мигранты метут улицы, охраняют стоянки и ремонтируют дороги. Без них краю, который за последние 20 лет потерял 360 тысяч человек и в ближайшие десять лет, по прогнозам, может лишиться еще 240 тысяч, не выжить. Между тем планы социально-экономического развития Приморья предусматривают реализацию глобальных проектов. Для этого нужны инвестиции и трудовые ресурсы, причем по большей части – высококвалифицированные.

Анализ миграционной ситуации в Приморском крае показал, что около половины трудовых мигрантов до приезда на территорию РФ не имели стабильной занятости на родине (были безработными, имели разовую или временную работу). До выезда на работу в Российскую Федерацию 40-50% мигрантов можно было отнести к группе крайне бедных, их доходов не хватало даже на предметы первой необходимости и проживали в сельской местности.

С каждой «новой волной» снижается и образовательный уровень трудовых мигрантов: около 40% приехавших сегодня в Приморье мигрантов не имеют профессионального образования. Как следствие, мигранты с низким образованием, приехавшие из отдаленных и сельских районов, все труднее адаптируются к российским условиям, и на рынке труда, и в быту. Они менее склонны пользоваться действующими социальными институтами и сервисами - правовыми, образовательными, медицинскими, национально-культурными и т. п. Особую настороженность вызывает тот факт, что существует значительная культурная дистанция между мигрантами и местным населением, т.к. мигранты все хуже знают русский язык.

Наименьший процент владения русским языком у китайцев – 63.6%, узбеков – 86.4% и корейцев - 88.6%.

Это увеличивает «миграционные риски» и незащищенность мигрантов при реализации индивидуальных стратегий на новом месте. Однако статистика доказывает, что при выборе места жительства они предпочитают отнюдь не привычные для них сельские территории, а городские округа. Самые «урбанизированные» – китайцы, узбеки, таджики и киргизы, среди которых горожане составляют более 80%.

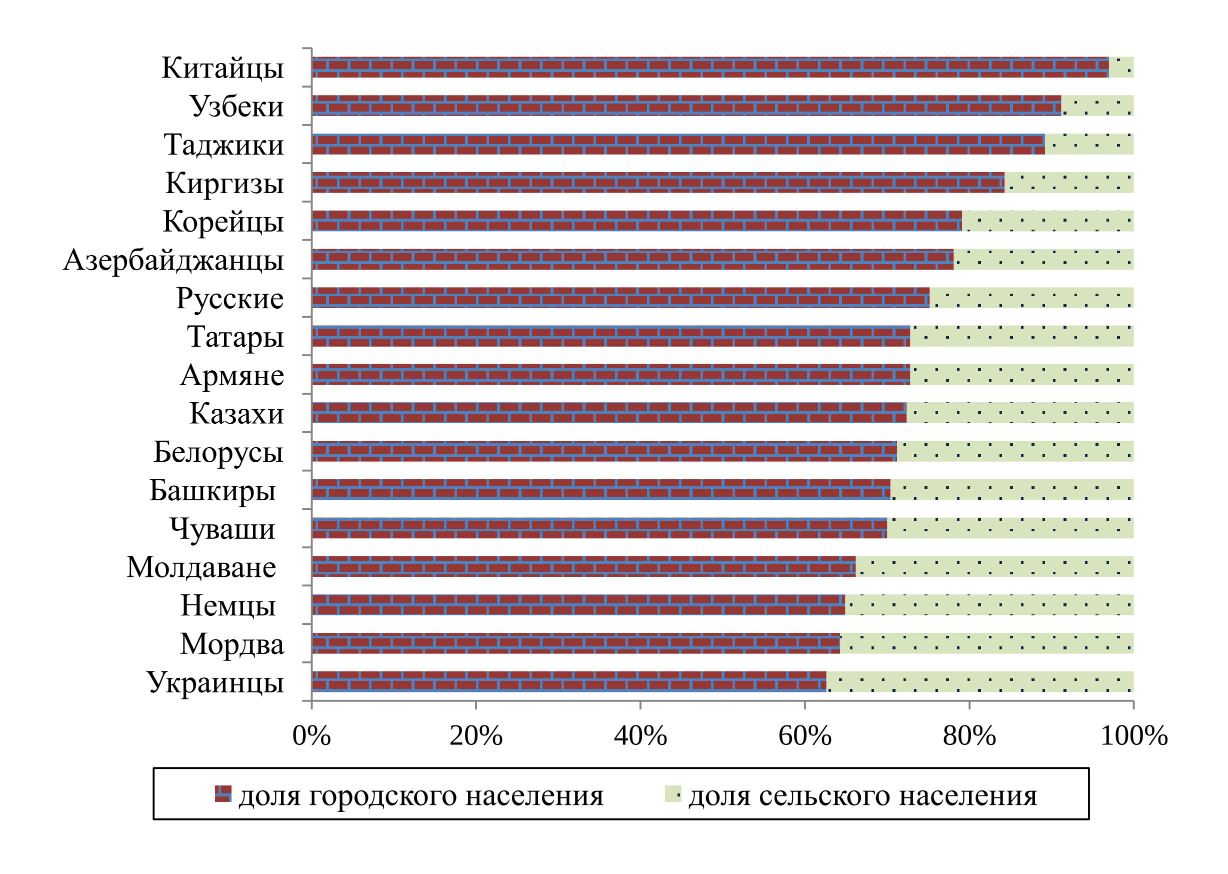

Рисунок 2. Структура городского и сельского населения наиболее многочисленных национальностей по итогам ВПН-2010 (в процентах)

Явление анклавизации наблюдается и в разрезе городских округов Приморского края. Абсолютное большинство среди населения наиболее многочисленных национальностей во Владивостокском городском округе занимают узбеки. Их численность в период с 2002- 2010 гг. выросла в 14,3 раза. Следом идут киргизы (8,5 р.), таджики (5,5 р.) и только на четвертом месте китайцы (5,4 р.).   Артемовский городской округ отличается особой концентрацией выходцев из КНР – рост численности 13,8 р. за исследуемый период. Такая же картина и в Партизанском городском округе (рост численности представителей сопредельного Китая в 18,0 р.). Спасский городской округ предпочтителен для армян, азербайджанцев и таджиков; Уссурийский ГО – киргизов, узбеков и таджиков.

Такого рода «компактное расселение» способствует формированию и устойчивому функционированию социальных сетей, образованных по этническому признаку, что значительно облегчает воспроизводство социально – экономических форм взаимодействия мигрантов в принимающем социуме.

Возможно, активизация миграционных процессов позволит решить проблему нехватки трудовых ресурсов, но отсутствие элементарного знания языка, культурной совместимости, заинтересованности в социальной интеграции, а именно она интересна с точки зрения перспектив развития территории, неминуемо повлечет за собой увеличение маргинального сегмента в социальной структуре населения Приморского края.

В Якутии из-за особенностей климата распределение миграционных потоков носит сезонный характер. Около 80 процентов иностранных рабочих приезжают сюда на лето, более половины из них оседают в Якутске, и в основном они заняты в строительстве. Как правило, это представители Армении и Таджикистана.

И снова едут отнюдь не инженеры и даже не квалифицированные строительные рабочие. Многие молодые гастарбайтеры впервые берут в руки мастерок здесь. На якутских стройках они учатся профессиям. И все равно они более выгодны для работодателей, нежели местные безработные. Потому что легко обучаемы, готовы трудиться за минимальную плату с утра до ночи и неприхотливы в быту.

Власти региона неоднократно предпринимали попытки ограничить число таких иностранных работников в пользу местных жителей. На нынешний год работодатели заявили потребность в 30 тысячах иностранных работников. Удовлетворена только третья часть заявок, причем и такая квота, как считают в миграционной службе, может быть уменьшена. При этом стройки не остановились.

Все большую остроту приобретают вопросы миграции в Сахалинской области. Это признал и губернатор островного региона Александр Хорошавин. По его словам, соцопросы свидетельствуют - наиболее негативно иностранных гостей воспринимают южносахалинцы. Другие районы области куда более терпимы к мигрантам.

Доля трудовых мигрантов в общем количестве работающих в Сахалинской области составляет примерно шесть процентов. При этом число приезжих год от года падает. Например, в этом году квота на привлечение трудовых мигрантов в Сахалинскую область по сравнению с прошлым годом была сокращена почти в два раза и составила 10,6 тысячи человек, из них реально приехали на острова 4,8 тысячи иностранных рабочих. Подсчитать сколько в область пребывает мигрантов-нелегалов никто так и не смог.

В Хабаровском крае, по данным Федеральной миграционной службы, постоянно проживают представители 145 народов и этнических групп. На предприятиях региона, только по официальным данным, трудятся около 30-35 тысяч иностранных мигрантов. В основном это приехавшие в Дальневосточный регион жители стран СНГ. На их долю приходится 41

процент въезжающих в регион иностранных рабочих. Трудовые мигранты заняты в основном в строительной индустрии - 50 процентов, в сельском и лесном хозяйстве - 15, на перерабатывающих производствах - 12 процентов.

В Хабаровском крае официальная квота на привлечение работодателями иностранных работников в 2013 году составила 26,2 тысячи человек, что на тысячу больше, чем в прошлом году [6]. Преобладающее количество иностранных граждан зарегистрировано по месту пребывания в Хабаровске – 71,1 % и Хабаровском районе - 8 %. В первом полугодии 2013 года на миграционный учет в регионе было поставлено 67 024 иностранных граждан и лиц без гражданства. По данным миграционной службы, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года рост численности мигрантов составил 7,3%. Увеличение количества регистраций по месту пребывания, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, произошло за счет иностранных граждан, прибывших из стран – участниц СНГ с целью работы по найму: рост составил – 16,9 % [7].

Существующая в статистических структурах информация о трудовой эмиграции в недостаточной мере разработана в этнорегиональном разрезе, для перспективного же представления развития населения Дальнего Востока она необходима. В настоящее время мы не имеется официальных статистических материалов о трудовой эмиграции или иммиграции в этнорегиональном разрезе. Однако по выборочным исследованиям можно представить некоторые закономерности, общую тенденцию и в большей или меньшей мере обобщить их.

Политика этнической толерантности, активно проводимая властями страны, не может достичь реальной цели без глубоких исследований формируемых этноструктур. В целом миграционные процессы, в том числе и трудовая миграция, накладывают глубокий след на эволюцию этноструктур, взаимоотношения этногрупп, национальную консолидацию.

Межэтнические отношения в современной России проблематизируются новыми явлениями, приобретающими значение социальных фактов: изменения в статусных диспозициях, компактное и анклавное расселение этносов, этническая монополизация некоторых сфер предпринимательской деятельности и в торговле, нелегальность пребывания и трудовой деятельности, вовлечение части этнических мигрантов в криминальную деятельность, закрытость этнических общин, этническая (клановая) организованность и сплоченность, возможности быстрой мобилизации всех факторов этнического потенциала.

Переток населения с Юга на Север стал новой мировой реальностью, ведущей к существенным изменениям этнического состава населения стран Севера. По имеющимся прогнозам, уже к середине нынешнего столетия белое неиспаноязычное население США перестанет быть большинством в этой стране: существует высокая вероятность того, что во второй половине XXI в. и в ряде других стран Севера в результате иммиграции и неодинаковой рождаемости коренных и вновь прибывших жителей страны больше половины ее населения составят недавние мигранты и их потомки.

Подобные расчеты имеются и по России. По некоторым прогнозам, избежать резкого сокращения численности ее населения можно только при условии притока большого количества иммигрантов. Если такой сценарий реализуется, в населении резко повысится доля мигрантов и их потомков: к 2050 г. она с 50-процентной вероятностью приблизится к 35%, а к 2100 г. - к 60%. Российский прогноз не оценивает этнический состав потенциальных иммигрантов, однако очевидно, что в нем будут преобладать не этнические русские или даже лица славянского происхождения. Скорее, это будут выходцы из Центральной Азии, Китая, возможно, из других азиатских стран[8].

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года только в отдельно взятом Приморье больше двух мужчин приходится на 1 женщину у узбеков, азербайджанцев, китайцев, таджиков, казахов. У корейцев и мордвы в соотношении полов на каждую тысячу мужчин приходилось женщин соответственно в 2002г. – 1003 и 1230; в 2010 г. – 829 и 994. У населения остальных многочисленных национальностей соотношение мужчин и женщин ухудшилось, причем у половины из них за счет городских жителей. Наиболее неблагоприятное соотношение полов у украинцев и русских.

Представляется целесообразным для дальнейшего анализа процессов, связанных с этнической миграцией на Дальний Восток России использовать теория третьего демографического перехода Д. Коулмена. Суть этого перехода, затрагивающего страны развитого мира, заключается в существенном изменении структуры некоторых наций вследствие «иммиграции лиц отличного этнического и расового происхождения, в сочетании с постоянно низкой рождаемостью и возрастающим уровнем эмиграции местного населения»[9].

«Если первый демографический переход выразился в изменениях уровней рождаемости и смертности, а второй - в изменениях сексуального поведения, организации жизни семьи и ее форм, то третий демографический переход затрагивает последний остающийся компонент, характеризующий население, а именно его состав. Низкие уровни рождаемости приводят к изменению политики в отношении миграции, а миграция, в свою очередь, оказывая влияние на состав населения. В конечном счете, она может привести к полному изменению этого состава и замене нынешнего населения населением, которое составляют либо мигранты, либо их потомки, либо население смешанного происхождения» [10].

Все эти изменения, отчасти уже происходящие, отчасти ожидаемые, ставят в повестку дня вопрос о взаимодействии местного населения и мигрантов с учетом неизбежных цивилизационных и культурных различий. Хотя массовые миграции всегда связаны с преодолением немалых трудностей как для самих мигрантов, так и для принимающих обществ, по-видимому, именно эти различия создают проблемы в гораздо большей степени, нежели миграция сама по себе.

Как отмечает Коулмен, если последующие поколения мигрантов и лица смешанного происхождения будут все больше идентифицировать себя с

населением той страны, куда они приехали, то изменения состава населения не будут иметь особых последствий. Если же, напротив, они в большей степени будут определять себя как нечто отличное от коренного населения, убывающего как по абсолютной численности, так и относительно, то ситуация будет иной. Подобные процессы могут иметь самые разнообразные и существенные последствия, способны повлиять на идентичность той или иной страны, на социальную сплоченность ее населения. Может возникнуть ситуация, когда разные группы людей захотят говорить на разных языках, начнут требовать, чтобы использовались различные системы права. У этих групп могут оказаться различные ориентации с точки зрения внешней политики страны, в которой они живут, и т.п. В этих размышлениях Коулмена отражается беспокойство, которое испытывают жители многих развитых стран, принимающих большое количество мигрантов [11].

Как показывает исторический опыт, надеяться на скорую адаптацию, а тем более интеграцию в принимающее сообщество новых потоков мигрантов на Дальний Восток не приходится. Напротив, мы все чаще сталкиваемся с обособлением групп этнических мигрантов, появлением своеобразных этнических анклавов и этнической сегрегации [12].

Этническая миграция в большинстве случаев – это цепная миграция, т.е. когда за одним мигрантом устремляется поток родственников и знакомых. Подобные миграционные потоки П. Стокер назвал «миграционной сетью», подразумевая под ней этническую миграцию, носящую цепной характер. П. Стокер отмечает, что в миграционных потоках велика роль мигрантов – «пионеров», которые «находят место для миграции, заботятся о документах и визах, способах миграции и стимулируют в дальнейшем весь процесс миграции, оказывая помощь и поддержку своим родственникам и односельчанам. Сети мигрантов определенно помогают прибывшим соотечественникам, но, защищая иммигрантов в новом окружении, замедляют также эффект интеграции»[13].

Можно предположить, что этнические связи чаще всего определяют направление миграции и выступают в роли наиболее вероятного вектора миграционного движения при выборе нового места жительства на стадии принятия решения. По мнению Г.С. Витковской и А.В. Кочаряна, выбор целевого географического пункта вселения мигрантов существенно разнится в условиях добровольной и вынужденной миграции. Так, в условиях добровольной миграции «чаще мигранты выезжают туда, где есть связи, друзья, родственники», при вынужденной миграции – «чаще в неопределенные места» [14]. Указанные особенности этнической миграции могут вполне привести к ситуации этнического сдвига – замещения одной этнической группы другой/другими с соответствующим созданием новой этносоциальной и этнокультурной среды.

Следует согласиться с А. М. Кузнецовым, что «сегодня современная этнополитическая ситуация региона существенно меняется и в ней возникают новые риски и угрозы. Не случайно, даже зарубежные исследователи характеризуют наш регион как зону риска. Указанные

особенности Дальнего Востока России определяют и специфику протекания здесь процесса этнотрансформации в сравнении не только с зарубежными странами, но и такими регионами России, как Поволжье и Кавказ. Наличие и необходимость разрешения комплекса противоречий, вызываемых разнообразными по видам и содержанию этническими миграционными процессами в региональных обществах, испытавших и испытывающих интенсивный и масштабный приток этнических мигрантов, становятся неотложной практической задачей социальной политики и социального управления на федеральном и региональном уровнях»[15].

Особую значимость приобретает создание Службы по проведению мониторинга за происходящими в регионе этносоциальными и этнокультурными изменениями, что позволит своевременно реагировать на происходящие события.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новые факторы глобального и регионального развития: обострение этносоциокультурых противоречий / Под ред. Е.Ш. Гонтмахера, Н.В. Загладина, И.С. Семененко. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. – С. 5.
2. *Мотрич Е. Л.* Трансформация миграционных связей Дальнего Востока России со странами ближнего и дальнего зарубежья // Пространственная Экономика. 2010. № 2. – С. 74 – 95.
3. *Мотрич Е.Л.* Блеск и нищета Дальнего Востока // Тихоокеанская звезда (общественно – политическая газета). [Электронный ресурс] URL: http://www.toz.khv.ru/newspaper/ekspertiza/blesk_i_nishcheta_dalnego_vostoka/ (дата обращения 11.10.12).
4. *Петров В. Н.* Этнические миграционные процессы как фактор социальных взаимодействий в регионе. Автореф. дисс…… доктора социол. наук. - М.,2004. – С. 3.
5. *Ким А. С.* Этнополитические исследования современных диаспор (конфликтологический аспект). Автореф. дисс…… доктора полит. наук. Санкт-Петербург. 2009. – С.14.
6. *Российская газета* (Экономика Дальнего Востока) № 6131 от 18 июля 2013 г.
7. *Доклад* о результатах и основных направлениях деятельности УФМС России по Хабаровскому краю на 2012 год и плановый период 2013-2015 годы. [Электронный ресурс] URL: http://ufms-khb.ru/node/693 (дата обращения 11.07.13).
8. *Вишневский А. Г.* Цивилизация, культура и демография // Общественные науки и современность. 2011. №2. – С.57 – 76.
9. *Coleman D.* Migration in the 21st Century: a Third Demographic Transition in the Making? Plenary Address to the British Society for Population Studies Annual Conference. Leicester, September 13,2004; *Coleman D.* Immigration and Ethnic Change in Low-fertility Countries: a Third Demographic Transition (Statistical data) // Population and Development Review. September. 2006. Vol. 32. № 3.

2006.
10. *Коулмен Д.* Иммиграция и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью – третий демографический переход в действии? // Миграция и развитие: Доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие», Москва, 13–15 сентября 2007 г. Сборник статей гл. ред. В.А. Ионцев. – М.: Би Эль Принт, 2007. – С. 12.
11. *Коулмен Д.* Третий демографический переход // Демоскоп Weekly № 299-300. 3-16 сентября 2007 [Электронный ресурс] URL: http://demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php (дата обращения 13.07.13).
12. См. подробнее: Вендина О. Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? – М,. 2005. – 88 с.
13. *Стокер П.* Работа иностранцев: Обзор международной миграции рабочей силы. М., 1995. – С. 40.
14. *Витковская Г.С., Кочарян А.В.* Вынужденные миграции как социальная проблема //Миграция населения. М., 1992. – С. 63.
15. *Кузнецов А.М.* Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке России: некоторые проблемы и перспективы // Ойкумена. 2012. № 1. – С. 75.